

Альбина БОРБАТ

Альбина Борбат родилась в 1973 году в Игарке. Училась на факультете искусствоведения и культурологии КГУ. Живет в Красноярске. Публиковалась на сайте «Сетевая словесность», сайте «Полутона», в интернет-журнале «Формаслов», в «Волге».

СНЫ МАЙОРА ПЕТРОВА

майор внутренних войск петров
борется с искушением выжечь болезненную роговицу
затем прогоняет его сквозь строй
ситчик оборонного легпрома
погранично серенький как припой
въедается и продолжает сниться
петров искушен но тычется как слепой

увязающий в рыхлом деле
кулак
угловатый опыт годных и рядовых
медвежьей соломки ему постелит
ради бога и всех святых

в мутных корчах и до обеда
и после
эти syllables и потроха –
в отсутствие невозможных «зачем» или «победа» –
только раздаваться и разбухать

ведметь ест сальные свечки в метро
под сибирью всё одно што профитроль
снег лежит на боку с распахнутыми глазами
круглогодичный и майор петров
кратный голубю
над привокзальной площадью нависает

если на что и годен лубок-патриотик –
открыв глаза на глубине вменённой отчизны
не захлебнуться
затуманившись до ветру отойти
яблочко положить на голубое блюдце

сдвинутые пропорции
большеголовой бусины
трогательно

завершают длительную работу
нанизывания
становятся единственным
смыслом
с распахнутыми глазами

пространство способности различать
раздаётся как живое

(не более чем механическое
с титановой пластиной
мигрени
припадочным смехом
на строчке «эхо войны»)

снег заживает наледь
сшивает сую крестит рамы
(говорит с докторами)
скучно забывает смотреть в глаза
скученная на последней простыни
ссученная по соображениям жизнь
по обочине льда топорщится кирза
один неприкрытый взгляд –
губка впитавшая сколько сумела взять
нет места сухого места живого зазора
роза упала на лапу позора

смерть можно посметь взглядом отнять нельзя
майоры скользят скользят

что немцу смерть то русскому – повесть
открытка с видом упрятанная в конверт:
увязший в снегах долгий цыганский поезд
луна вечно глядящая холодно и поверх
из сибиря с любовью в сибирь же с нею
адресат немислим но зуммер неутолит
ошибшийся этажом побиваем дверью
и гасится молча сам от себя вдали

солнце запечет под кожей стекло озноба
и вглядимся в тусклую линзу зимы:
скучное тепло учебное – опыт
тело – мысль страдания в сумерках головы

куда просыпаться было (не было)
до перемены (участи) не отменяющей ничего
и в неподсвеченное серо-пепельное
снега размолотое стекло

едва задремлет колени-голени
тени сдвигая фоновый шум
стянутся туже чем буквы в акрониме
и – по лезвию на весу
покатят сумбурную отяжелевшую
голову подданную с косым
шрамом мысли как сугроб просевшей
еле светящейся полосы

Крыса

между тесными мятными тенями
мокрым цветом палёной шерсти
вертится уклоняется петляет
в угол откатывается оттуда крестит
морду оскаленную наледи над карнизом
скрученные бинты целлофановые на рябой берёзе
и блядская полочка марыська моя марыська
вместе с зубами вываливается из дёсен

где ещё не лёгкий не ковкий
(дни турбин языка)
расстояние до остановки
увязая в песках
глохнув в фоновом шуме
и фонащем зерне
и о целом и сумме
примечая вчерне
между кесарями и богами
и дойти своими ногами

Патина или плесень

ну что сегодня
так или иначе:
не смотри исподлобья
губу закусывай
чуть наклони голову
улыбнись одними глазами

теперь реши такое уравнение

и так и ждёт наморщив амальгаму

(становится собой проходит мимо
и для неё то патина то плесень
всегда всегда испорченный ребенок)

Румянец и португя

в сгущенном предвоенными песнями
выжженном и оглохшем
воздухе преимущественно ножевых
свет распирается бледно-желтыми стенами
переваливается на кровельную жесть
лежит пластом

намагниченная черным светиллом
вожделенная лейтенантская кожа
гибельный трофей взглядов
как яблоко разламывается по полам

хорошо если цвела
хорошо если родила
хорошо если умерла
если успела
прожевала на улице такой-то

я хочу это птичье слово
только господи я богомол
натрави на меня птицелова
пред святое твоё рождество
или странного мы не желали
или солнце не жидкий желток
ах коробочка сердца жилая
птичья весточка дальний восток
что твои простодыры гули
не советчики и не врачи
мы ли хвойных мочал не мочили
не трепали небесных овчин
утоли как кессоново олово
расплети как клубок нитяной
я хочу это птичье слово
или птичье слово за мной

Режиссерская версия

кровеносная сетка в которой не осталось крови
в сугробе просевшем тлеющие кружева
листьев сообщение п е р е увеличенное втрое
желанием выломиться прервать

вглядывание замкнувшееся
неистощимостью беличьей на станке
регистр звучания этот (в ужасе
под лед проваливается лошадь закованная в доспех)

скажешь «время» и вяжется «вещество» —
щенячья несыть под пузо мостится
всей своей немощью огневой
но оно восходит — большая синица
заваливая отдельностоящий ствол
остальное укладывается под него
под рыхлую мякоть кольца
незрячи расходящиеся круги
монотонны и в чёрный ящик
слово прячется от других

не выплеснуть рук и речь-младенца
день беспаятный скудный как позывной
жадного слуха ломанные коленца
над плюсной свинцовой с прямой спиной

ой-ё-йой (пыточная) слуха тело
испытывая «будет» задним своим «сейчас»
испаря йод (выдохнул — отлетело)
уже не собирает нового «означать»